

Актриса, поэт, художник. Пишет с пяти лет, первое образование – лингвистическое. Участница и лауреат многочисленных поэтических фестивалей и проектов («Бабушка Пушкина» на канале Москва-24, Филатов-фест и другие).

Не помню, что я бросил, уходя.
Который месяц не было дождя.

Земля была шершава и суха,
И новую черту взялась соха
Класть поперек весенней борозды.
Авось, теперь воздастся за труды...
Не воздалось.

И к первым холодам
Пришлось чинить обряд то тут, то там,
Соломенную бабу схоронив
В кургане посреди бесплодных нив.

Когда зима ушла, забрав своё:
Больных, бродяг, детей и старичьё,
Мотыгами дрянными рассекли
Промерзший череп матери-земли,
Младенческий весенний родничок.
А... хоть и мать, да получи тычок!
Раз не дала живого — животу,
А отняла. Ату её, ату!
Соломенная баба не выросла —
Иссохлась, как и прочее, дотла.

А после посевной пришла вода,
Истлевшие желая невода
И лодки, и тела в себя впитать,
И жажда поить и увлажнять.
А с ней пришли промоины в жнивье,
Трава в домах и прозелень в белье,
И ржавчина, гнилые закрома...
А за водой маячила зима.

Шел третий год, как я покинул дом,
И как ходил, молчанием ведом.
И я совсем своих не помню слов,
Что бросил за порог и был таков.

И вдаль глядят опухшие глаза.
Закрой же дверь. Я не вернусь назад.

Говорят, здесь живёт непроглядное Глубоко;
Шелестит легко сонное озерко,
Серебрится озёрный замкнутый окоём,
Окаёмкой торчит осока с гнусом и комарьём,
Солнце красноватый показывает бочок,
Рыболов догрызает сухарь и забрасывает крючок...

Говорят, что удить здесь можно от сих до сих.
Здесь живёт синюшная рыба сиг,
Здесь плотвички величиной с ладонь
Подплывают близко, попробуй тронь.
Говорят, здесь живёт бесконечная Глубина,
Сом и тот не достанет дна.

Говорят, там внизу диковинные сады,
Там русалочки клады, дары их, цветы, меды.
Водолазы, стряхнув озёрное серебро,
Красноглазые и шипучие, как ситро,
Матерятся, какого, мол, боже прости, рожна?!..
Нет садов там и дна. Нихрена.

Говорят, там топились и стар, и млад,
Кто с любви, кто в попытке достигнуть клад.
Говорят, секретарь обкома добыл заём,
Чтоб засыпать весь упомянутый водоём.
А в каком-то НИИ бесчисленные года
Изучают пробы: обычной вода.

А на дне чего только там и нет!
Допотопный скелет, ржавый велосипед,
Транспарант незабвенный про мир и труд,
БТР, закопанный в донный грунт.
Мы лежим с тобой, растянувши в улыбке рот.
Где-то там, в вышине шевелится эхолот.

Говорят... Да и в общем, пускай себе говорят.
Говорят, если бросить камень — возникнет рябь.

ДОМ

Вот день. Вот дом. Моё гнездо. Где Терек мерно воды мчит,
Хотя ему лишь предстоит вобрать и Сунжу, и Ардон.

Мой дом. Мой юг. Чудной приют. И взглядом по небу скитаюсь,
Где тучи овцами спуют, стадами за гору цепляясь.

Вот - ливень гонит беглеца в сухое подворотни лоно,
Блестят от капель дерева и застекленные балконы.

Вот даль. Мой тыл. В окне впритык — катальпа, тополя, тутовник,
Мечеть, гостиница, мосты... И ливнем солнце разлито в них!

А у окна багаж, билет. Плацкарт — на большее не хватит.
Нашарю ключик на столе, кивну черте на циферблате.

Смотрю назад, на дверь и мимо, в уме считаю этажи.
Смотрю. И вдруг, неуловимо, мой дом становится чужим.

Ветер утих.
Угомонился.
В окна впустил
Скуку. И мысли.

Тише, не глянь
Самости внутрь,
В хмарую рань,
Сутолочь утр.

Полно толочь
В ступке скорлупки,
Вynesи прочь
Прочую утварь.

Полки пусты,
Стулья сутулы,
Угол плиты
В шаге от стула.

Пол, потолок,
Стены и локти,
Дом-коробок,
Двери не трогать.

Рук не тянуть,
Век не смыкать,
Двигать к окну
Стол и кровать.

Смурый сверчок
Крутит колок.
Колет плечо,
Скулы свело...

Прочь, тишина!
К черту, безмольв!
Крика мне дай,
Не прекословь.

Мне бы хоть звук!
Грохот и гвалт,
Скрежет и стук,
Хохота шквал!

Треск или скрип,
Мне все равно.
Тесно внутри,
Дверь и окно.

Гула, прошу!
Лязг или топот!
Шороха шум.
Шелеста. Шепот.

Шлейфа шуршанья,
Хоть что-нибудь,
Господи!
Голоса.
Голоса.
Голоса.
Голоса.

АВТОПОРТРЕТ

Лес крыжовенный, чаги наросты, дупла нутро,
На Купалу, как водится, папоротник цветет.
У хрущёвок старушки на лавках, час-пик в метро,
Теплотрассы, киоски, закрытые на учет...

Мир такой, каким выглядит: шумная пестрота,
Только в тот же момент не является таковым,
Не настолько реален, как кто-то привык считать,
Но отнюдь на мираж, потому что создатель — вы.

Так и я. Каждый раз наблюдатель меня творит.
Я деталь интерьера, фольклора, витражный блик.
У меня никого нету дома, а вы внутри.
До меня никому нету дела, я — черновик.

Я объект, раздобытый субъектом из недр ума.
И, в словах этих ищущим истинное зерно,
Предлагаю представить сюжет: тишина и тьма,
Луч направлен на сцену. Я тот, кто ступил в пятно.